

12+

**Дмитрий
Сидоренко**

Когда в юность врываемся война

Дмитрий Сидоренко

Когда в юность врывается война

«ЛитРес: Самиздат»

1946

Сидоренко Д. Г.

Когда в юность врывается война / Д. Г. Сидоренко — «ЛитРес: Самиздат», 1946

Автор воспоминаний Дмитрий Григорьевич Сидоренко закончил работу над рукописью в 1946 году в возрасте 22-х лет вскоре после возвращения с фронта. Автор после полученных на фронте ранений и травм прожил короткую жизнь, которая была наполнена достоинством, честью, светлой любовью к жизни и отечеству. Автор вспоминает о трудной фронтовой жизни в качестве авиационного бортмеханика, ярко и красочно описывает характеры простых, но преданных своей Родине людей, многие из которых отдали свои молодые жизни в борьбе с фашизмом. Рассказ Дмитрия Григорьевича Сидоренко еще раз напоминает нам о трагических днях войны, ее жертвах, нелепости потерь молодых цветущих жизней и погубленных талантах, воздает светлую память и благодарность поколению войны. Воспоминания Дмитрия Григорьевича — это чистое зеркальное отражение событий прожитых лет жизни. К сожалению, полученные на фронте ранения и травмы, не дали в полной мере расцвести несомненному литературному таланту автора.

© Сидоренко Д. Г., 1946

© ЛитРес: Самиздат, 1946

Содержание

Вместо предисловия	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	27
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	40
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сыну моему Александру в память о героических днях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.:

– Вырасти, прочти и узнай, сынок, как дорого заплатили люди и твой отец за свободу твою. Глубоко цени её и используй в своём развитии...

– Черты целеустремленности, страсти к знаниям, волю и здоровую жизнелюбивость попытайся навсегда перенять у этих людей.

г. Усть-Лабинск, 1954 г.

«...Пройдут годы... Из руин и пепла вновь поднимутся города и села, залечатся раны, нанесенные войной, забудутся трудности послевоенного периода, сотрётся в памяти людей всё пережитое в эти годы. Но много, много ещё чьих-то разбитых сердец, чья-то неостывающая любовь и память – матери ли, молодой жены, друга или подруги долго-долго ещё будут глядеть на запад, на дорогу, ожидая милого сердцу человека...

В теплый майский день, в день Победы, когда распустятся сады и воздух наполнится весенним, душистым ароматом, мы всегда вспомним о вас, дорогие друзья, помянем добрым, ласковым словом...»

Памяти погибшего друга Василия Петренко

Вместо предисловия

Возможно, читая эти листки, одни назовут меня нескромным, другие – просто выдумщиком. Но цензоров я не боюсь: они или не поняли меня, или просто не могли понять, живя другою жизнью. В этом я не виноват. И беспристрастно анализируя свою пройденную жизнь в 21 год, могу с уверенностью сказать – прожита она не напрасно. Довелось исколесить пол-России, побывать на Западе, за границей, увидеть много исторического и ценного: прекрасного и захватывающего. Но пришлось пережить и немало трудностей и лишений суровой фронтовой солдатской жизни.

От Владивостока и Хабаровска до Берлина и Варшавы, от Анапы и Астрахани до Ленинграда и Кёнигсберга повидал я нашу необъятную Родину, Польшу, Пруссию, Германию. Купался в Японском море – тёплом и спокойном, в Балтийском – шумном и холодном, плывал в Чёрном, Каспийском, загорал на пляже Москва-реки. Умывался в немецком Одере – тихом и полноводном, глушил рыбу в польской Висле, пил воду из красавицы Эльбы, нырял в широкую Волгу, переплывал быструю и мутную Кубань...

Я никогда не обижался на судьбу, хотя она и бросала меня из стороны в сторону, то облачая в блестящую форму курсанта спецшколы военно-воздушных сил, то в грязную и ободранную робу волжского грузчика, то она давала мне гордое звание слушателя Военно-Воздушной академии и направляла в Москву, то, наконец, опять называла бесправным именем солдата. Я танцевал гордым офицером в ЦПКиО Москвы, и сидел солдатом на темной гауптвахте невзрачного городка Вольска. Такие резкие перемены меньше всего зависели от меня: всему причиной была война. По её велению я попал в академию, и по её призыву, не закончив образования, уехал на фронт. Коварная судьба демонстрировала мне политику «кнута и пряника». И спасибо ей – я многого не понял бы теперь, не испытав того, что называется коротким и беспощадным словом «война». Несомненно, в жизни были и ошибки, но «не ошибается тот, кто ничего не делает».

Я спокойно оглядываюсь назад – там нет темных пятен. Путь был светел и чист, как ключевая вода. Для общего дела – независимости Родины – я отдал своё молодое здоровье, которому многие могли позавидовать в своё время...

Я – инвалид Отечественной войны II группы. Никто не смеет меня упрекнуть в чем-либо. Девизом жизни я всегда считал слова Николая Островского, которые до сих пор звучат в моей памяти:

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому главному в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее».

Сын автора «Воспоминаний» Сидоренко Александр Дмитриевич выражает глубокую благодарность за подготовку рукописи к печати Сидоренко О. М., Дещеревской Н. П., Сидоренко С. П., а также всем, кто внес свой вклад в издание книги.

Подготовка архивных фотографий к печати – Сидоренко Г. П., Кустова Т. П.

Часть первая

Глава 1

*Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу —
Смерть встречай лицом к лицу.
А потом хоть плюнь ей в морду,
Когда всё пойдет к концу.*

А. Т. Твардовский, «Василий Теркин»

Помню, высота по прибору была 4000 метров. Машина шла плавно, ныряя в густые облака и прорываясь в большие длинные «окна». Распластавшиеся крылья с чуть приподнятыми и смещёнными назад консолями придавали ей стремительный, ястребиный вид.

Холодная зловещая ночь распространяла темноту во все стороны. Самолёт шёл вслепую, ориентируясь исключительно по аэронавигационным приборам. Светящаяся стрелка компаса качалась над полем «West». Машина шла курсом на запад.

Прошло уже больше часа, как она незаметно, на большой высоте, перевалив линию фронта, углубилась в тыл врага по особому заданию штаба фронта – высадке советских парашютистов-десантников в один из важных военно-промышленных районов фашистской Германии.

Ночь на высоте была особенно холодной, и весь экипаж сковывал мороз. Закутавшись в мех комбинезона, в больших, до локтей, перчатках и лохматых собачьих унтах, вёл машину командир экипажа, старший лейтенант Михайлов. Тусклый свет приборов слабо отражался на его лице. Он спокойно всматривался в показания вибрирующих стрелок, а когда приходилось менять курс – всем своим огромным телом сливался со штурвалом управления. Во мраке движения его казались величественными и грозными.

Рядом с ним, погрузившись в математические подсчеты на поправки приборов, работал второй пилот – штурман корабля.

Моноotonно пели свою песню моторы. Напряжённо прислушиваясь к их гулу, на откидном сидении сидел бортмеханик. По его выражению лица и резким, отрывистым движениям было видно, что он нервничал. Спокойствие в работе обычно появляется со временем, вырабатывающим непоколебимую уверенность в себе, но бортмеханик в дальний рейс летел впервые. И здесь, далеко над вражеской землей, он особенно сильно ощущал всю ответственность. Он отвечал за чёткую и слаженную работу моторов, за каждый винтик машины и теперь проигрывал в памяти всевозможные неполадки, которые всегда могут возникнуть даже в штатной ситуации. Подобно тому, как ни прекрасен человек, сколько бы у него ни было положительных качеств, всегда найдутся пути совершенствования, так и в ремонте любой машины, сколько бы ни устраняли на ней дефектов, всегда найдутся места, где можно ещё что-то доделать: заменить заклепку, подтянуть, подкрасить. Бортмеханик до боли припоминал все мелкие дефекты, которые теперь казались ему значительными и даже опасными для полёта. Но это было ложное чувство: моторы работали чётко, приборы фиксировали нормальный режим.

Покачиваясь на подвесном сидении, на верхней турельной установке сидел стрелок – молодой тульский парень, всего три месяца как сменивший свою двухрядную гармонь на грозное авиационное оружие – пулемет Березина. В глубокий вражеский тыл он летел тоже впервые и чувствовал себя несколько в приподнятом настроении. Через плексиглас турели он то и дело нетерпеливо всматривался в темноту, но ничего не мог видеть: всё было окутано сырым

мраком ночи. В его воображении проносились последние картины перед вылетом. В этот вечер он уснул крепко, но долго спать не пришлось – в 24 часа его разбудил посыльный с КП. Он быстро встал, с усилием разгоняя крепкий первый сон, с трудом оторвал шапку, которая была вместо подушки и крепко прилипла к смоле, выступавшей из горбылей землянки и, поправив комбинезон, ушёл на КП. Там уже собрался весь экипаж.

Чётко, как бы чеканя каждое слово, начальник штаба, подполковник Солодовников, пояснял задание:

– Товарищи, я вам доверяю исключительно ответственное задание. Вы высадите группу парашютистов в окрестностях важного промышленного центра. Вылет назначаю на 2 часа ночи. О подробностях справитесь у штурмана полка.

Они вышли из землянки. Ночь была темная и сырая, аэродром был в тумане, сеял мелкий, холодный дождь.

Ещё раз была тщательно проверена машина, оружие, боеприпасы, заправка. В 2:00 в самолёт погрузились десантники, и он вырулил на старт. Заревели на полной мощности моторы, блеснул в тумане прожектор, освещая взлётную полосу, машина затряслась, набирая скорость, и плавно отделилась от земли.

Теперь стрелок думал над тем, что под ними внизу – город или село, озеро или речка, лес или степь. Он представлял спящих на земле немцев и с затаённой радостью чувствовал, что скоро их покой будет нарушен победоносным маршем Красной армии.

То, наконец, он вспомнил о своей дорогой Наташе, которая осталась там, где-то далеко в родной Туле. И оттого, что, защищая родную землю, её личное счастье, он находился так далеко от неё в этом опасном полёте, она показалась ему как никогда родной и близкой. Приятно заняло сердце, и он на минуту взгрустнул тихой и нежной грустью. Потом он стал обвинять себя, что так долго не писал ей писем и твердо решил по возвращении из полёта обязательно написать о своей фронтовой жизни.

Машина вырвалась из облаков, и очертания луны показались над горизонтом. Разреженные тучи быстро проносились мимо, закрывая слабый лунный свет. Он тускло отражался на дюралевой обшивке фюзеляжа и матово поблескивал на гладких консолях крыльев...

В полумраке фюзеляжа, расположившись, кто как сумел, сидели те необыкновенные пассажиры, ради которых за сотни километров летел самолёт.

Их было 8 человек. Рослые, крепкие ребята 18–25 лет. С краю на узком сидении сидел широкоплечий, коренастый парень, ёжась от холода и кутаясь в короткий меховой воротник. Одет он был в длинное гражданское пальто европейского покроя, немецкую шапку и желтые туфли с длинными узкими носками. В «скромном» вещмешке его лежало несколько килограммов взрывчатки, ракетница с ракетами, рация и небольшой запас продуктов.

Так же были одеты и другие: одни в физкультурные брюки и тонкое демисезонное пальто, другие – в замасленную форму немецких рабочих, третьи – в форму студентов.

Один из них был совсем ещё юноша, молодой и безусый. Он полулежал прямо на полу фюзеляжа, подперев голову рукой и грустно устремив свой взгляд в холодную сталь кронштейна самолёта. Скоро он встретится с врагом лицом к лицу. И кто его знает, о чём он сосредоточенно думал в эти последние минуты. Вспомнил ли своё босоное детство, школу, друзей, родных? Или, может быть, беспокоился об ответственности за доверенное ему большое и опасное дело...

Это был юноша крепкого телосложения с красивым, румяным и ещё по-детски пухлым лицом, на котором выражалась какая-то особенная, детская, казалось, напущенная деловитость. А тупой автомат, выглядывающий из-под полы гражданского пальто, и толстый парашют ещё больше усиливали это выражение.

Вдруг в фюзеляже загорелась зелёная лампочка, моторы сбавили обороты. Машина была у цели. Бортмеханик открыл люк. Зловещая, страшная темнота со всех сторон, в люк завывает ветер, сырой и холодный. А там, внизу – немецкая земля, полная озверелых врагов и смерти.

Быстро подошёл первый. Нервно нащупал на груди кольцо парашюта, поправил снаряжение, оттолкнулся левой рукой и, согнувшись, прыгнул в люк вперед головою. Он что-то крикнул, но завывающий ветер и гул моторов унесли его слова. Так же прыгали и другие.

Последним подошёл к люку молодой парнишка с красивым безусым лицом. Одну секунду он находился в нерешительности, затем быстро шагнул к бортмеханику, крепко обнял его и что-то сунул ему в руку.

– ...Адрес... напишешь маме, – едва было слышно среди свиста ветра и гула моторов. Одним движением юноша был у края люка.

– Прощайте! – тонко, по-детски в отчаянии крикнул он, и голос его сорвался. В темноту он спрыгнул вниз ногами. Как бы ещё по детской привычке – с детской коврики на пол.

Бортмеханик закрыл люк и медленно опустился на скамейку. Он был взволнован.

– Вот они, русские люди, – с восторгом подумал он, – пошли на самое опасное дело, почти на явную смерть ради счастья Родины, ради независимости её. Он медленно разжал руку – в ней лежал измятый клочок бумаги, сунутый ему десантником.

– Да, я напишу, – не слыша себя, тихо сказал он, задумчиво глядя куда-то в темноту.

– Я напишу! – повторил он, – напишу матери, напишу всей семье, напишу всем – всему подрастающему поколению. Пусть знают они, как отстаивали свободу их отцы и старшие братья, пусть ценят эту свободу, пусть знают, что она не досталась им даром! Пусть узнают они, как прошла наша юность, как оторванные от школьной скамьи, ещё совсем ребятами, ещё с мыслью о маме, люди прыгали с автоматом на груди в тёмную сырую ночь на вражескую землю. Прыгали, чтобы в смертельной схватке парализовать вражеский тыл, взорвать склады, военные заводы, железные дороги. Прыгали, жертвуя собой, чтобы продать, променять свою юношескую жизнь на небольшую частицу большого, общего дела – Победы над врагом.

Наши потомки могут гордиться своим старшим поколением. Мы не осрамились перед ними. Они не станут рабами, не пожалеют, что родились на свет русскими...

Охваченный этими мыслями, бортмеханик смотрел в темноту застывшим бессмысленным взглядом, погружившись в стихию впечатлений суровой фронтовой жизни и событий, случившихся в эту ночь...

Машина легла на обратный курс. Моторы увеличили обороты, развивая скорость. Через несколько часов далеко впереди показались слабые вспышки ракет – это была передовая линия фронта. Немцы, боясь наступления, «вешали» ракеты над нейтральной полосой, непрерывно освещая наши позиции. Там, в сыром предутреннем тумане, дремала наша пехота, ожидая приказа на штурм Кенигсберга.

С высоты эти вспышки казались вспыхивающей лентой и уходили далеко в обе стороны, всё слабее и слабее мерцая в тумане.

Вдруг ночную мглу прорезал ослепительный луч прожектора, он несколько раз наискосок хлестнул по небу и остановился на летевшем самолёте. И сразу же, словно сговорившись, ударили зенитчики заградительным огнём.

Машина попала в сферу обстрела. Огромная, она неуклюже и медленно разворачивалась из стороны в сторону, пытаясь выйти из луча прожектора, но при её слабой маневренности попытки эти были тщетны. В ослепительных лучах прожекторов она походила на огромную птицу, уже пойманную на мушку охотником. Красные вспышки зенитных снарядов рвались вокруг.

Вдруг машину резко качнуло и накренило влево – осколком снаряда развернуло обшивку левой плоскости, перебило элерон. Второй снаряд разорвался у хвоста – парализовало руль поворота. Осколком разбило приборную доску, снизу струёй бил бензин, обдавая пилота. Борт-

механик бросился устранять течь. На одно мгновение он взглянул в лицо пилота: оно было искажено страшным физическим усилием выровнять машину, по щеке его тонкой струйкой текла кровь.

Ещё один снаряд разорвался под самым самолётом, разорвало обшивку фюзеляжа у хвоста. Бортмеханик бросился к месту пробоины, но споткнулся и упал на что-то мягкое и тёплое. Под ним, широко разбросав руки, лежал стрелок, осколком выбитый из подвешного сидения турели. Бортмеханик пытался встать, но, не удержав равновесия, опять упал на тело товарища. Страшная мысль беспомощности исказила его лицо.

Машина опять скользнула на левое крыло, хвост поднялся кверху, и она стремительно пошла к земле...

На борту того самолёта в качестве бортмеханика летел автор этих воспоминаний.

Глава 2

*Перебиты, поломаны крылья,
Тихой грустью мне душу свело,
Белым снегом – серебряной пылью
Все дороги мои замело.*

Песня из кинофильма «Заключенные» (1936 г.)

Недалеко от города Гюстрова в северо-западной Германии, в одной из роскошных дач немецких «бауэров» размещался полевой терапевтический госпиталь. Утопая в зелени высоких дубов и фруктовых деревьев, обсаженный оранжереями цветов и вьющимися по стенам кустами винограда, на небольшом возвышении стоял роскошный, богато отделанный двухэтажный особняк.

На втором этаже его имелись два балкона, с которых открывалась живописная природа. На одну сторону, сколько хватал глаз, раскинулась широкая степь с уже созревающими хлебами, пыльными полевыми дорогами, степными шалашами и большим заросшим кладбищем за селом.

Немцы бежали прочь, и вокруг было безлюдно. Нигде не наблюдалось признаков жизни, и лишь одинокий ястреб парил в высоте, да при легком дуновении ветра колыхались колосья, волной перекатываясь по широкой, безбрежной степи...

А там, вдали, немного левей, поблескивая зеркалом, раскинулось озеро. На берегу его одиноко стоял заброшенный, заросший камышами, рыбацкий домик.

На другую сторону открывался вид на город Гюстров. Там уныло возвышались несколько полуразрушенных башен и церквей – признаков недавнего штурма города.

На восток от города тянулся высокий сосновый лес. В нём, выделяясь замысловатыми башнями и своеобразием архитектуры, по берегам небольшой, живописной реки, теснились виллы немецких промышленников. Внешне это, может быть, было и красиво, но внутренне – бессодержательно и пусто: лес был лишен своей самобытности. Всё переделано и обнажено. В этом лесу уже не было ни таинственных лесных шорохов, ни диких зарослей, ни освежающего запаха смолистой хвои и папоротника. У него было отнято то, что составляет его содержание – его естественная лесная жизнь.

Полукругом, огибая дачу с другой её стороны, шла к городу большая шоссе́йная дорога, гладко выстеленная асфальтом и обсаженная с обеих сторон деревьями. Оттуда часто слышались глухой лязг гусениц танков, sireны автомобилей, гудки мотоциклов. Там шла жизнь.

Внутренний вид дачи также отличался особым изяществом. Стены были покрыты искусной художественной росписью, обшиты коврами и цветными обоями.

На стенах в золоченых рамах висели портреты каких-то рыцарей. У всех был отпечаток каменной напряженности, напыщенности, а в глазах блеск хищный, звериный огонь. Видимо, эти черты лица у немцев очень ценились.

Верхний этаж состоял из гостиной и нескольких комнат. Одна из комнат находилась в самом углу. Это была просторная комната с двумя окнами и выходом на балкон. Обставлена она была просто, по-русски.

У стен стояли две койки, кожаный диван, два мягких кресла и маленький круглый столик, на котором всегда стояли свежие душистые цветы. Окна были снабжены длинными шелковыми ширмами, благодаря которым в знойное полуденное время в комнате сохранялись прохлада и мягкий душистый полумрак. Жили в этой комнате друзья по несчастью: артиллерист с простреленной грудью, бывший военнопленный Шаматура Николай и я.

Уже несколько месяцев я находился на лечении, переезжая из госпиталя в госпиталь. Всеми причиной была та памятная холодная ночь 2 февраля 1945 года.

Госпиталь, в котором мы находились, по своей системе лечения и распорядка дня походил на санаторий. Здесь находилось всего пятнадцать человек фронтовиков, нуждающихся в стационарном санаторном лечении.

И здесь, на даче, было создано какое-то подобие санатория. Питание было отличное, временем располагал каждый, как хотел. Это заведение обслуживало всего четыре человека. Пожилой врач, две молоденькие сестры Саша и Маша, и повариха Свёкла Карповна – уже пожилая женщина со скуластым украинским лицом и самой настоящей поварской комплекцией.

Мы жили в саду из вишен и яблок, цветов и виноградников. В нашей комнате всегда стоял кувшин с букетом цветов и ваза с вишнями – это была забота Саши и Маши. В госпитале этом мы одни были им ровесниками. И они часто по вечерам, после работы, приходили к нам рассеять скуку, поболтать о том о сём, поиграть в карты, вспомнить о доме. Часто своё свободное время мы проводили на озере. Там у нас было целое хозяйство, раздобытое расторопным Шаматурой: краденая, или, выражаясь мягче, трофейная лодка, две удочки и баночка с червяками.

Часто мы с Машей ходили ловить рыбу. Закидывали удочки, садились в тени на бруствер и ловили, но рыба никогда у нас не ловилась. Однажды, правда, Маша вытасила большую лягушку, размером с жабу, такую же зелёную и всю в бородавках. Маша выбросила её вместе с удочкой, а меня попросила не говорить об этом Шаматуре.

Когда уже совсем наступали сумерки и с озера веяло освежающей прохладой, мы катались на лодке. Маша садилась на нос, я брал вёсла, и лодка тихо скользила в камышах. Мы выплывали на середину, и когда становилось совсем темно, и тусклый месяц длинной колеблющейся полоской серебрился по озеру, Маша набиралась смелости и тихо начинала петь.

Не знаю, какой был у неё голос, не знаю, что было в её песне, но в этой чарующей обстановке я забывался. Какая-то неведомая сила отрывала меня от земли и несла по воде и по воздуху. Я поднимался ввысь и демоном летал где-то там, далеко на Родине, в родных местах. Каждый звук её голоса открывал мне всё новые и новые картины: задушевные и чарующие, нежные и волнующие, скорбные и грустные. В её чистом девичьем голосе таилось что-то зовущее, увлекательное. В нём сочетались широкая удаль с глубоким томлением, сердечная тоска с детским озорством. В нём было что-то обворожительное, захватывающее и таинственное. Тихо ныло сердце от этих, теснившихся в нём, взволнованных и возвышенных чувств...

Ночь была тихая, тёплая, мерно шлепали весла, и за кормой журчала вода. Веером расходились волны, поблёскивая светом луны. Далекое по озеру лилась Машина песня, и всё новые и новые чувства наполняли грудь.

Как-то особенно ощущалась преждевременная потеря здоровья, замкнутость и безжизненность госпиталя. Мятая тоска сводила душу...

... В этот вечер я поздно вернулся домой, но спать не хотелось. Вышел на балкон. Открывалась очаровательная картина: между редких рассеянных туч медленно скользила луна, бросая свет на широкую степь с шумящей рожью, на озеро, на одинокий рыбацкий домик на берегу. Приятно обдавало вечерней прохладой, и в чистом воздухе ощущался знакомый аромат созревшего хлеба. Этот запах возбуждал в памяти что-то далекое, родное, из детства. Прекрасное, дорогое, но уже неповторимое. И грусть, нежная и волнующая, разливалась в груди, разрывавшейся от чувств. В ней билось крепкое, здоровое сердце, рвущееся к большой жизни. Оно было полно кипучей, нерастратченной энергии, требовавшей настоящей жизни: труда, развития, любви...

Далеко-далеко, где-то за Берлином и Варшавой, Одером, Бугом и Вислой раскинулась необъятная Россия. Теперь она была для меня другой: родной и неоценимой. Всё было мило

и дорого сердцу. И почему я раньше не видел и не понимал этого? Только в чужих краях оценил и разглядел её во всей красе. С какой щемящей, задушевной тоской припомнил я своё беззаботное, вихрастое детство из прошлой жизни...

* * *

Давно ли было, когда я бегал и скакал верхом на палочке, разбрызгивая лужи. В памяти воскресла маленькая деревушка Лунза среди уссурийской тайги и Сихотэ-Алиньских гор, где я провёл детство. Я помнил каждый рубленый домик на двух нешироких кривых улицах, занесенных снегом. Здание школы, из которого в морозном воздухе стелился мягкий лиловый дымок. Мирное счастье таёжной деревенской жизни.

С тоскою в сердце я ощущал непроходимую уссурийскую тайгу с густыми зарослями дикого виноградника, таинственным шумом в кронах высоких елей, душистым ароматом расцветающих лип.

Там, в долине, среди тайги, в нескольких убогих строениях ютилась пасека. Рядом шумела горная речушка с быстрым потоком прозрачной, студеной воды. С другой стороны, далеко за лесом, величественно возвышалась громадная гора с каким-то седлом и страшным наездником – она тогда казалась мне самым отдаленным и таинственным местом на земле, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны.

Беззаботно и быстро пронеслось моё раннее детство – счастливая и неповторимая пора. Двенадцати лет, закончив четыре класса начальной школы, я отправился в район, чтобы продолжить учёбу и жить там в людях. Дорога поднималась и опускалась змейкой. Осенний ветер осыпал желтые, повядшие листья. Я поднялся на высокую гору и оглянулся: далеко позади, среди гор, окутанных синей дымкой тумана, осталось родное село. Прощайте, горы, прощайте, родные места! Прощай, моя тихая, беззаботная жизнь, прощай, мое детство.

Поселился я в семье у своего дядки. Это была беспокойная, хлопотливая семья, похожая на все семьи, живущие без матери. Вечно ссорились между собой дети, а отец их часто прибегал в воспитательных целях к безжалостным поркам.

Жил затем у другого дяди, но эта жизнь у «своих» мне никак не нравилась: осознание того, что ты всегда лишний, особенно за столом, безмерно угнетало.

Такая жизнь рано приучала к самостоятельности. Я был предоставлен сам себе. Читал, что хотел, делал, что думал. Увлекался всем новым, часто посещал кино. Пробираясь туда приходилось иногда с некоторым ущербом для совести. Обычно за углом кинотеатра я находил троих-четверых таких же «миллионеров», как и сам. Мы складывались и покупали билет – один на всех. Затем один из нас важно проходил в зал и открывал окно на сцене за экраном, куда впускал только «своих». Окно потом опять закрывалось, мы прятались где-нибудь за грудой афиш и декораций и спокойно смотрели картину... с другой стороны экрана.

Страстно увлекался художественной литературой, особенно иностранной, приключенческой. Читал Марка Твена, Жюль Верна, Джека Лондона, Виктора Гюго, пробовал Бальзака. Любил наших классиков, но с особым удовольствием читал современные рассказы об авиационной жизни.

Начитавшись всяких приключений и фантазий, я с юношеским упорством готовил себя к какой-то необыкновенной, фантастической жизни. Пытался подражать героям любимых романов, стараясь быть выдержанным, волевым человеком, смеяться там, где нужно было плакать, идти навстречу всяким физическим трудностям, а ко всем своим проступкам подходить критически, беспристрастно, с холодной рассудительностью. Словом, я жил какой-то воображаемой, возвышенной жизнью, оторванной от настоящей, обыденной. Позже мне стоило больших трудов смириться с суровой и грубой действительностью.

Юный возраст всегда характерен избытком внутренних сил, желанием сделать что-нибудь необыкновенное, героическое, чем-нибудь отличиться. Но молодые люди ещё не знают, где эту силу использовать, и, как правило, она выливается в грубое озорство и демонстративное поведение. От этого обычно страдают преподаватели. Помню, как-то раз, мы разыграли злую шутку с преподавателем – немцем. Немецкий язык все ненавидели, поэтому ненавидели и преподавателя. Обычно в дневнике, за несколько недель вперёд, там, где должна была ставиться оценка, всегда было натерто воском. И как ни старался упрямый немец написать там неудовлетворительную оценку, ему ничего не удавалось. Перо мягко бегало по натёртой бумаге и следа не оставляло. Тогда немец переворачивал лист, чтобы написать оценку в графу следующей недели, но предусмотрительный ученик натирал воском и там.

Немец ходил всегда в толстых чулках и галошах, которые оставлял за дверью, и тихо, как кот, как будто крадучись или кого-то подстерегая, входил в класс. Он был исключительно точен и пунктуален. Пылал от злости, когда его задерживали после звонка, спешил к двери, не слушая вопросов. Внешне он был какой-то длинный (высоким его назвать было нельзя), горбатый и вечно двигался по классу, как молекула в Броуновском движении. Ходил так тихо, что когда находился сзади, трудно было определить, где он есть, и заниматься посторонними делами было совершенно невозможно. Это злило ребят.

Намечалась контрольная работа. За два часа до урока немецкого языка неожиданно «заболел» один ученик. Паренёк так искусно притворился, что в больнице признали приступ аппендицита.

Незамеченный никем, он-то и прибил к полу галоши немца.

После звонка немец, как всегда, пулей выскочил из класса. Вскочив в свои галоши, он два раза дернулся и растянулся во всю длину под общий хохот, свист и улюлюканье окружающих. Ещё не понимая, что случилось, весь страшный от гнева, он два раза дернул свою прибитую галошу и, хромя на одну ногу, пошёл к директору.

Дело кончилось тем, что вину свалили на одного «товарища», которого все недолюбливали за подхалимство. Он один выходил на этом уроке на улицу. Никто за него не заступился.

Последнюю зиму я жил у молодых супругов по фамилии Карел. Там больше приходилось работать, зато я чувствовал себя свободней.

Как-то раз, возвращаясь из школы, я встретил девушку особой внешности, одну из тех, которые остаются где-то там, далеко в груди с первого взгляда. Я смутился, но быстро пришёл в себя. Мы познакомились. Это была сестра хозяина, по летам ровесница мне, звали её Олей. Она училась на класс ниже меня, и это давало мне некоторые преимущества. Жила она у матери, но после нашего знакомства стала чаще навещать своего брата. В начале, мы вместе выполняли домашние задания. Потом она стала приносить занимательные романы, и мы до поздней ночи читали их в присутствии хозяйки. Когда хозяйка засыпала, мы долго сидели одни, делились впечатлениями. Это была славная девушка, скромная и спокойная. Маленький, прямой, чуть вздернутый носик украшал её правильное лицо. Бедность, в которой они жили с матерью, сделала её не по годам самостоятельной. Она была немного капризна, но этот маленький недостаток как-то даже шёл к её характеру.

Короче, я полюбил её. Первой, по-юношески пылкой любовью. Она ответила взаимностью. Это было весной. Я заканчивал неполную среднюю школу, и должен был уехать домой, на всё лето.

Таял снег, шумели ручьи, деревья распускали набухшие почки. Появились подснежники, расцвёл багульник. Оля скромно намекнула мне пойти за цветами. В этот день мы долго бродили по лесу, шутили, смеялись, порой забывая про цветы.

Уставшие, мы сели на один пенек так близко, что её льняные волосы коснулись моего плеча.

– Оля, вот уже весна, скоро сдадим экзамены, и я уеду на всё лето, подари мне что-нибудь на память о себе.

Она выбрала лучший цветок из своего букета и протянула мне.

– Вот, возьми..., – с нежностью сказала она и, смутившись, добавила: – Смотри, ведь он красный.

Я вспомнил чьи-то слова: «желтая роза – измена, красная роза – любовь» и взглянул на неё в упор. Наши взгляды встретились.

Что-то милое, дорогое сердцу горело в её глазах. Не знаю, что было в моих, но Оля больше не выдержала:

– Митя! – прошептала она.

– Оля! – вырвалось у меня, и я прижал её маленькую головку с белокурыми локонами к своей груди.

Мы понимали друг друга без слов, и объяснения были лишними.

Мы обещали друг другу быть честными, однако не связывать себя ни в чем, учиться и учиться дальше.

Я открыл ей свою заветную мечту – быть лётчиком. Ей нравилась медицина.

Глава 3

*Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю.
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою.*

Н. А. Некрасов, «Железная дорога»

Осень 1939 года. Родители собираются переезжать на Кавказ. Меня это очень радует. Я люблю дорогу, всегда полную всевозможных приключений, да и посмотреть почти всю страну с востока на запад, а затем с запада на юг было очень интересно.

Выехали в теплушке. Приятно было лежать на мягкой постели, когда вагон покачивало из стороны в сторону, а в окошке пробежали пейзажи.

Проехали Амур – широкий, с высокими берегами. Величественно блеснул Байкал, самое глубокое озеро в мире. Поезд шёл ночью по склону горы, ныряя в тоннели. А там, где-то далеко внизу, таинственно поблескивала вода, освещённая тусклым светом.

В районе Байкала я захватил несколько белых камней, которые хорошо, как алмаз, режут стекло.

Урал не понравился: горы разрушены, в воздухе копоть, сажа. Да и люди живут гораздо беднее, чем в других регионах.

Быстро проехали Москву, повернули на юг и, наконец, прибыли в станицу Усть-Лабинскую – будущий город.

Хотел продолжить учёбу, но здесь за эти два месяца ученики ушли настолько вперёд, что догнать их уже было трудно. Кое-как отучиться можно было, конечно, но я как-то не привык быть отстающим. К тому же врач, к которому мне пришлось обратиться, признал у меня приступ аппендицита.

Перед операцией я попросил медсестру не выбрасывать аппендикс, и она принесла его мне.

– Вот он, – улыбаясь, показала она маленькую кишочку, совершенно чистую. Воспаления не было, и операция была напрасной. Современные эскулапы способны ошибаться, и счастлив тот, для кого эта ошибка не станет роковой.

На следующий год, после вынужденного безделья, я с удовольствием принялся за учёбу. Во втором полугодии нас, отличников учебы девятых классов, вызвали в кабинет директора.

– Ну, кто желает быть лётчиком? – с улыбкой спросил директор и испытующе посмотрел на нас. – В городе Краснодаре открывается спецшкола Военно-воздушных сил.

И он долго говорил об этой школе, об условиях жизни и учебы в ней, о значении авиации вообще. Заканчивая свою речь, он сказал:

– Идите и подумайте хорошенько, это важный, решающий шаг в жизни – выбор специальности. Завтра утром прошу ко мне.

Вышел из кабинета с каким-то тревожным чувством. Я давно, в страстных юношеских порывах, мечтал быть лётчиком, готовил себя к этому. Но теперь, когда встал перед выбором, меня охватили сомнения. Не ожидал, что всё случится так быстро, и прямо сейчас нужно сделать решающий шаг, который изменит всю мою, только начавшуюся жизнь. Здоров ли физически, не ошибся ли в своих силах и возможностях?

Нет! Я буду лётчиком! Сомнения быстро рассеялись, всё уже было обдумано и давно решено. Ведь не напрасно же в бессонные ночи моя юношеская фантазия рисовала мне будущую отважную авиационную жизнь: дальние перелёты, прыжки с парашютом, бесстрашные подвиги. И я твердо решил посвятить себя авиации.

Медицинскую комиссию проходили в г. Краснодаре со всей строгостью. Третью часть кандидатов отсеяли по зрению. Ребята выходили из кабинета с кислым выражением лица и с досадой говорили: «Рожденный ползать – летать не может».

Я встал на весы – 84 кг, рост 182 см.

– Илья Муромец! – восторженно сказал хирург, хлопнув меня по плечу. Всё шло хорошо. В кабинете невропатолога кандидатов испытывали на вращающемся вокруг оси кресле. Через две-три минуты вращения нужно было встать, подойти к противоположной стене и попасть пальцем в окружность диаметром около пяти сантиметров. Я встал с кресла. Пол зашатался и накренился набок, неведомая сила толкала в сторону. Всё же я добрался до противоположной стены, но в окружность попасть не сумел – в глазах их было много. Сзади хохотали очередники. Повторили ещё раз. Собрал всю волю. Ещё сильнее закружилась голова, но на этот раз, немного постояв и выиграв время, в круг я попал. Никто мне не сказал: «Рожденный ползать – летать не может!» Я мог летать. «Годе́н к ле́тной службе без ограничений» – было заключение комиссии.

Был новый, 1940 год. Мы зашли в школу, чтобы проститься. Всего нас отобрали троих – Богданова, Мантиленко и меня. Девушки устроили нам тёплый прощальный новогодний вечер. И чего только они нам не желали! Помню, Богданов взял гитару и спел приятным юношеским тенорком. Это усилило общее впечатление расставания и многие прослезились.

Уже тогда витал какой-то призрак войны, чувствовалось что-то недоброе.

Глава 4

*Среди любимых нет у нас любимей,
Среди отважных самый смелый тот,
Кому народ, гордясь, присвоил имя:
Крылатый сокол – сталинский пилот.*

Поезд тронулся, и заросший зеленью вокзал с вымощенным перроном остались позади. Прощай, средняя школа! Прощай, гражданская жизнь. На душе грусть и затаённое волнение перед предстоящей неизвестностью. Школа, пожалуй, лучший момент в воспоминаниях каждого. Здесь заканчивается мальчишество и появляются надежды на большое будущее. Мы были счастливы тем, что не знали ещё суровой и грубой действительности, трудностей самостоятельной жизни.

Я лежал на полке, покачиваясь из стороны в сторону. Приподнятое воображение рисовало мне картины будущего. То я сидел курсантом за партой авиашколы и слушал инструктора, то уже был военным лётчиком, пронёсся с невероятной скоростью над самой землей, взвивался «свечою» вверх, закладывал виражи, крутил «бочки», «иммельман», «мертвые петли». Я выбрал себе трудный и опасный путь и этим был доволен.

В спецшколе ВВС нас встретили приветливо, отнеслись с заботой и вниманием. Начались занятия. Кроме общеобразовательных дисциплин несколько выше программы десятилетки, нам читались теория полётов, воздушная стрельба, авиасвязь, аэронавигация, бомбометание и др. Вскоре выдали замечательную форму, сшитую индивидуально для каждого. Она состояла из кителя темно-синего сукна, сшитого в талию, с богатым слоем ваты на груди, брюк – клёш с голубым кантом во всю длину, тёмно-синей пилотки и фасонных туфель. О, сколько было радости и гордости, когда мы впервые её надели! С каким непобедимым видом и напыщенной важностью ходили мы по городу, привлекая особое внимание. А первые приветствия! Сколько тогда они доставляли удовольствий! Каждый уже чувствовал себя самостоятельным, полноценным воином. Краснодарские девушки особенно ценили эту форму, и не одной легкомысленной вскружила она голову. Но молодые авиаторы не могли ещё подобающе вести себя в городе, и комендант наложил «карантин». Никто никуда не мог выйти за пределы школы, и мы томились, с завистью глядя сквозь забор. Когда человек замкнут в узкие рамки и это повторяется изо дня в день в череде одних и тех же событий и лиц, незримый отпечаток ложится на его поведение. Однажды я попал в неудобное положение из-за этого. Мы были на самоподготовке.

– Сидоренко, вас просит к крыльцу какая-то девушка, – сообщил мне дежурный.

– Девушка?! – удивился я. У меня не было ни одной знакомой девушки. В Краснодаре работали только мои двоюродные братья.

– Она такая хорошенькая и так убедительно просила вызвать тебя, что я не смог отказать.

– Кто же это может быть, – рассуждал я и даже смутился от неожиданности. Это выходило за рамки привычного карантина.

– Послушай, во что она одета? – допытывался я у дежурного.

– Во что-то э... такое красивое. Да собирайся же скорей! – и я понял, что больше ничего не добьюсь от очарованного девушкой дежурного.

Я привёл себя в порядок и не без робости направился к выходу. Там стояла действительно толковая девушка, совершенно мне не знакомая. Дежурный нас представил и отошёл в сторону, как человек, понимающий такт.

– Галина Сидоренко, – улыбаясь, сказала она, – ваша кузина, – и протянула мне руку.

– Дмитрий, – ответил я, смутился и покраснел. Я не знал, что это за родственник титул – «кузина». Тётка, должно быть, – решил я, перебирая в памяти всех своих родственников.

Не вспомнив подходящих, я на веру решил быть «племянником» такой интересной «тёти». Для устоявшейся, изо дня в день повторяющейся замкнутой жизни в карантине, это был такой неожиданный сюрприз, что я не знал с чего начать, о чём говорить и как себя вести с девушкой. Разговор не клеился, я говорил что-то невнятное и отвечал невпопад. Она же держалась свободно, непринужденно и рассматривала меня своим пронизывающим взглядом, как купленную лошадь. Я не мог выдержать её взгляда, краснел ещё больше и готов был провалиться сквозь землю. Ей же это, видимо, это доставляло удовольствие. Я окончательно сбился с толку, соврал, что спешу, и убежал от неё, как заяц от орла, даже не простившись. После только до моего сознания стало доходить то, что она говорила. Это была моя двоюродная сестра. Училась она в Краснодаре на первом курсе института виноградарства и виноделия, обещала прийти в следующее воскресенье.

Дальше так жить было нельзя. Это была не школа, а монастырь, а мы – не будущие офицеры, а монахи. Чтобы всесторонне развиваться, нужно было городское общение. Вскоре эту истину поняли и свыше, и карантин был снят.

Глава 5

*Вечерами тихими и ночами лунными
Под тенистой липой, в парке над рекой
С девушкой любимой пел с гитарой звонкою
Песни задушевные парень молодой.*
**«Спят курганы темные», песня из кинофильма «Большая
жизнь» (1946 г.)**

Началась разнообразная, веселая жизнь. Кино, театры, скверики и особенно городской парк всегда по вечерам были полны будущими авиаторами. Помню, пришли мы в парк. Денег – ни копейки. Но лезть в тёмную дыру теперь уже было неудобно. Только какие препятствия могут быть у авиаторов?

– Мысль лётчика должна опережать скорость его самолёта. Спокойно, товарищи, я нашёл выход, – сказал Боб, которого все любили за его веселый нрав.

– Лучше бы ты нашёл вход, – спокойно возразили мы ему, но Боб куда-то сбежал. Нас было трое друзей, за время карантина мы успели сжиться и понимали друг друга с полуслова. Вскоре вернулся Боб. Он раздобыл где-то красный лоскут и стал делить его на части. Каждый перевязал красным лоскутом левую руку.

– Наши сюда проходили? – важно спросил Боб у контролёра. Лицо его при этом переменилось, оно выражало крайнюю озабоченность, и даже какое-то огорчение.

– Да, курсантов здесь много, – ответил контролер, но Боба его ответ меньше всего интересовал.

– Что ж, проверим и здесь, – с тем же видом заявил Боб, обращаясь не то к нам, не то к контролеру, и мы прошли.

Это был замечательно оборудованный парк. Тут была большая танцплощадка, где всегда играл оркестр, раковина, в которой можно было посмотреть небольшие театральные инсценировки и выступления фокусников. Имелся небольшой пруд, по которому даже плавали лебеди. В него впадал ручей с рукотворным водопадом, а свет был направлен так искусно, что всё это представляло сказочную картину. В парк мы ходили почти каждый день. Много знакомились, болтали, шутили. Но я особенно никем не увлекался. Девушки в моём сознании заметно проигрывали той, которая заняла прочный уголок в моем сердце. Всем, кто пытался войти туда, она с полным правом отвечала: «Квартира занята». И они проходили мимо.

Кстати сказать, о ней. Перед отъездом с ДВК (Дальневосточный край) я получил долгожданное письмо. Писала Оля – из Спасска, где она училась после окончания школы. Она скромно намекала, что скучает по Черниговке, по школе, по дому, где мы встретились.

Оля из Спасска куда-то переехала, я убыл на Кавказ. Мы потерялись, но в памяти моей она навсегда оставила светлый, волнующий след.

Но... время шло. Однажды, гуляя с товарищами по полуосвещённой аллее парка, я вздрогнул от неожиданности. В полумраке беседки, словно ожидая кого-то, сидела девушка, сильно похожая на Олю. Может быть, она, затаённо забилося сердце, и я решил подойти поближе.

– Славная дивчина. Попробую приземлиться, – поделился я с товарищем.

– Попробуй, только, видишь ли, у неё «аэродром», кажется, уже занят. Но это не важно, соперников быть не может. Только садись на все три точки, не скапотируй.

На обратном пути я отстал от ребят и развязал шнурок от туфли. Проходя мимо беседки, где она сидела, я как-то неожиданно заметил болтающийся шнурок, и, постояв немного как бы в раздумье, направился к беседке.

– Разрешите присесть?

- Пожалуйста.
- Э... туфель, понимаете, развязался.
- А... – многозначительно протянула она и лукаво улыбнулась, разгадав мои нехитрые намерения. Я долго завязывал шнурок:
- Простите, вы мечтаете или скучаете по ком? Такой вечер, а вы одна. Почему? А может, лучше вдвоем?
- Да, мечтаю и люблю мечтать одна. Я улыбнулся, но уходить не хотелось.
- Вы знаете... э... я тоже люблю мечтать, только я э... люблю вдвоем. Я вам не помешаю? – пытался я сделать дипломатический ход.
- Нет, пожалуйста, – сказала она и, как бы спохватившись, добавила, – но всё же одной мечтать лучше, подруги отвлекают.
- Вы по-своему правы, – перебил её я, – но в таких случаях, я посоветовал бы не подругу, а друга. Найти с ним общий язык и, знаете, мечтать о чем-нибудь одном, скажем о своём счастливом будущем... – Она звонко рассмеялась и с видимым расположением посмотрела в мою сторону. Я посмотрел на неё – нет, это была не она, но сильно похожа на Олю.
- Мы, кажется, где-то виделись с вами? – спросил я, чтобы заполнить неприличную паузу.
- Да, когда вы проходили в другую сторону аллеи, чтобы развязать туфель.
- Гм, забавно. А больше никогда?
- Кажется, нет.
- Скажите, вы не были на Дальнем Востоке?
- Нет.
- А в Усть-Лабинской?
- Нет.
- Тогда мы с вами совсем не знакомы, – и, помолчав, добавил:
- Может быть, познакомимся? – я протянул ей руку.
- Зачем знакомиться?
- О, друзья не помешают. Есть пословица «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!».
- Вы любите пословицы. Есть и другая. «Плохая та подруга, у которой много друзей».
- Это, смотря каких.
- Да хоть таких, которые обманывают, развязывая шнурки туфель.
- Это и нужно было потому, что мы не были с вами знакомы. Теперь, скажем, этого делать было бы уже не нужно.
- У вас определённые приёмы знакомств, как у галантного кавалера.
- Какая там галантность, если вы догадались с самого начала.
- Оля, – сказала она, – мне ещё раз пришлось удивиться совпадению.
- Дмитрий.
- Очень приятно, – скороговоркой проговорила она.
- Вот видите, только познакомились и уже приятно, а вы говорите плохо мечтать вдвоем. Болтая таким образом, мы долго сидели в беседке.
- Пройдёмте к пруду, – предложил я ей.
- Нет, – вздохнула она, я не пойду... Вы знаете... э... у меня одна нога короче другой, – едва выговорила она с грустью в голосе.
- «А, так вот почему она не ходит и сидит одна, – подумал я, – и мечтает-то, наверно, о равных ногах. Вот сюрприз, хотя бы ребята не узнали».
- А... – как-то некстати и глупо вырвалось у меня.
- Я с искренним сочувствием посмотрел на её красивый, курносый профиль, поговорил для приличия ещё минут пять, вежливо извинился, напомнив о сроке увольнительной. Быстро встал и с чувством сострадания к девушке и сожалением о потраченном времени отправился искать своих ребят. Не прошёл я и пяти шагов, как сзади послышался звонкий смех. Я огля-

нулся: Оля шла, уже не в силах сдерживать хохот, на двух ровных ногах стройной красивой походкой. Мы весело расхохотались над её шуткой.

Она привлекала к себе каким-то забавным озорством и независимостью. Держалась свободно и непринужденно. Но общение с ней всегда приносило удовлетворение, потому что добиться чего-либо или убедить её в чём-нибудь было не легко, а мы ценим только то, что достигнуто упорным трудом. Она как-то удачно сочетала в себе серьезную, вдумчивую девушку с беззаботным озорством ребенка, безукоризненную скромность с особенной жизнерадостностью и тонким, здоровым юмором.

В этот вечер быстро неслось время, я не заметил, как прошло 12 часов моей увольнительной. Только в начале первого, когда уже начали просить из парка, мы направились к выходу.

Училась она в каком-то фармацевтическом техникуме и жила на окраине Краснодара. Трамваи уже не ходили, начинался дождь. Мы долго шли по захолустьям, прижимаясь друг к другу, чтобы не намочнуть. Наконец, дошли до её дома. Во дворе сушилось, вернее, мокло бельё, и она бросилась его спасать, а я направился домой. Теперь только вспомнил я о сроке своей увольнительной, а было уже около двух часов ночи. Погруженный в рассуждения о прошедшем вечере, я долго шёл по закоулкам, меряя лужи своими лакированными фасонными туфлями. Когда, наконец, я очнулся, показалось, что должен быть уже где-то рядом с домом. Но город я знал ещё слабо. Нужно было сориентироваться. А дождь всё лил и лил в непроглядной темени. Я прислушался. Где-то далеко пели «Шумел камыш» и лаяли собаки. Из-за поворота прямо на меня натолкнулся какой-то человек.

– Кто такой? – как-то загадочно спросил он.

– Свои, заблудился немного, – начал я и вдруг заметил, что сзади появился ещё один, отрезая путь к бегству.

– Грабители, – мелькнуло в голове, и тут же я вспомнил, как на прошлой неделе где-то тоже в окрестностях города раздели нашего курсанта. Сняли даже нижнее бельё. Как Адам, прикрываясь носовым платочком, он на рассвете прибежал в школу.

Бежать было уже бессмысленно. В темноте что-то щёлкнуло, и меня ослепил луч фонарика.

– Комендантский патруль. Предъявите документы. – Долго под проливным дождём выворачивал я карманы, пытаюсь найти что-нибудь, кроме просроченной увольнительной и комсомольского билета с неуплаченными взносами.

– Что ж, придется прогуляться с нами, – предложил мне офицер повелительным голосом и спрятал мои мандаты себе в карман.

Торговаться было лишним, просить я не хотел и направился с ними в ту сторону, откуда я шёл. А дождь и темнота соревновались в своей безжалостности. Я весь промок, и холодные струйки воды неприятно катились по спине. Носки осунулись, и мои широкие брюки-клёш, вымазанные до колен и одеревеневшие от грязи, неприятно ездил по голым щиколоткам. Я шёл за патрулём, проклиная в душе весь белый свет, но и отдавая отчёт комизму ситуации. Как-то случайно мы разговорились. Один из патрулей оказался, к счастью, моим земляком. Он смиловался надо мной, потому что был из ДВК и знал Черниговку, – отдал мои документы и рассказал дорогу. Я повернул назад, уже в третий раз меряя одни и те же лужи. Часу в четвертом ночи я увидел, вернее, почувствовал перед собой наше общежитие. Стоял вопрос – как опоздавшему добраться к дорогой постели. Первый способ, самый простой, – войти в парадную дверь и зарегистрировать у дежурного время своего прихода. Второй – перепрыгнуть через забор и войти со двора с взлохмаченными волосами, сонным видом и кителем в накидку, демонстрируя возвращение из туалетной.

Третий способ, самый решительный и надёжный – влезть прямо в окно – и я выбрал его. В общежитие же происходило следующее. Наш воспитатель (мы ещё тогда нуждались в воспитателях) заметил, что после отбоя моя и ещё двух товарищей постели свободны. Он не любил

наш взвод правофланговых, отборных по ранжиру рослых и крепких ребят. Говорят, маленькие люди завидуют большим и поэтому их ненавидят. Он всегда пытался насолить именно нам, первому взводу. Сейчас воспитатель сидел у окна и ожидал нас. Я пришёл первый и должен был испытать всё удовольствие этой встречи.

– Сейчас, – услышал я чей-то голос, когда тихо постучал в окно. Оно открылось, и мне была подана чья-то хилая рука. Я опешил.

– Ничего, ничего, залазь, – ласково попросил воспитатель. Делать было нечего – я взгромоздился на подоконник, весь мокрый и грязный и перевалился в спальню.

На следующий день мы выстроились на утренний смотр. Командир роты вызывал перед строем курсантов. Одних хвалил, других ругал, накладывая взыскания, – мало ли чем может провиниться молодой курсант.

– Сидоренко, выйти из строя! Я отмерил два шага вперед и лихо развернулся, пытаясь щёлкнуть ещё невысохшими каблуками.

– Где вы были вчера вечером, вернее ночью?

– В цирке, – моментально соврал я первое, что пришло в голову.

– Насколько мне известно, цирк уже около недели вообще не функционирует. – Дальше врать было бессмысленно, и я молчал, ожидая наказания. Ребята улыбались, весело подмигивая мне из строя.

– Рота, смирно!! За опоздание по увольнительной курсанту Сидоренко объявляю выговор перед строем роты. – Это было в первый раз, я ожидал большего и растерялся.

– Спасибо, – вырвалось у меня, и рота грохнула от хохота.

– Что?! – побагровел командир роты. – Сейчас же зайдите ко мне в кабинет! – Но я его кабинета не боялся. Это был добродушный мужик, и мы с ним были всегда в хороших отношениях. Он читал нам физику. Физику как предмет, я любил, часто задавал вопросы, иногда после уроков, а он как истинный педагог, с удовольствием отвечал на них и был весьма рад любознательности своего воспитанника. Часто он пускал меня в лабораторию, познакомил с киноаппаратом, и я иногда крутил по вечерам немые научные фильмы. Он не был лишен чувства юмора, и я, как-то раз, рассмешил его до слез. Демонстрируя пленку «Путь пищи в человеческом организме», я умышленно пустил киноплёнку в обратную сторону. Командир роты долго хохотал над этой «ошибкой».

Часто я помогал ему подготавливать к урокам опыты, и он был доволен. В избытке веселости, как-то сказал, что у меня очень музыкальная фамилия из нот: си – до – ре. Больше того, он был остряк. Как-то на уроке один курсант назвал химическую формулу воды не «Аш два о», а «О аш два». Физик лукаво улыбнулся и обратился к курсанту:

– Скажите, Вы были когда-нибудь в родильном доме?

– Нет, – отвечал смутившийся курсант.

– Ну, так знайте, что «О, аж два!» говорят тогда, когда на белый свет являются близнецы. А химическая формула воды читается как «Аш два О».

Отделение гремело от хохота. Однажды курсант плохо знал урок и путался в ответе. Физик спросил:

– Скажите, там, где вы родились, есть речка?

– Есть, – краснел курсант.

– Я чувствую, чувствую – плаваете, ох и плаваете! Садитесь. Два.

Была у него жена, преподаватель математики, очень низенькая и чрезвычайно толстая женщина. И её сразу же окрестили за это «трапецией». Сам же он издавна носил смешную кличку «Параллакс», данную ему ещё первыми выпускниками и укоренившуюся среди нас по традиции. Он редко когда злился, и я знал, что взыскание он мне дал только по долгу службы, в душе же он этого не хотел. Я постучал к нему в кабинет.

– Войдите.

– Курсант Сидоренко явился по вашему приказанию! – отрапортовал я по форме и сразу заметил, что тот пыл, с каким он говорил на поверке, давно уже прошёл и он, как мне казалось, сдерживал улыбку.

– Ну, Вы чувствуете, что заслуживаете большего наказания, чем я Вам дал, – начал было он официальным, холодным тоном, но потом забылся и продолжал попросту.

– Да, чувствую, товарищ командир роты, поэтому невольно и вырвалось у меня это самое «спасибо».

– ...Вы понимаете, что Вы этим даете повод другим, подрываете мой авторитет перед ротой.

– Да понимаю. У меня это получилось совершенно случайно, и я готов извиниться за это. Мне нравился такой оборот речи: он боялся за свой авторитет.

– Ну, а всё-таки, где ты был так поздно вчера вечером? – продолжал он совсем другим голосом с отцовским вниманием, переходя на «ты». Он не был военным и сохранил в себе какую-то душевную красоту гражданского человека.

– Зачем спрашивать, товарищ командир роты. Вспомните себя в моем возрасте. Он улыбнулся краешком губ и разрешил мне идти.

Общежитие наше перевели на «Красную 69», и мы каждое утро ходили в аудиторию на «Красноармейскую 12». Строем шли замечательно. Любо было посмотреть со стороны. В строю мы сжимались вплотную, грудь к спине, и получалось что-то единое, а широкие брюки – клёш с голубым кантом красиво переливались при ходьбе. Многие выходили посмотреть, полюбоваться, а девушки – разглядеть при дневном свете своих ночных знакомых. Пели мы редко, но если уж пели, то пели толково, не кричали, а именно пели. Жили все дружно и весело. Это была единая спаянная семья, один за всех – все за одного. То и дело в общежитии слышался заразительный смех и веселые рассказы курсантов. Но всему было время. Восемь часов на занятиях и четыре часа самоподготовки проходили в напряженной работе. Питались отлично. Вначале каждый стол на четыре человека делал заказ, но потом это отменили, но кормили не хуже.

Свободное время использовали, кто как хотел. Я часто посещал библиотеку имени Пушкина, там можно было достать что угодно.

Глава 6

На лето школа уезжала на Черное море, в лагерь, на отдых. До Новороссийска ехали поездом, в порту погрузились на теплоход «Грузия» и по Черному морю дошли до Анапы. Здесь, в приморских зарослях, у самого моря длинной вереницей палаток раскинули мы свой лагерь. Каждое утро купались в море, днём загорали на пляже, играли в волейбол, футбол, баскетбол, закаляли здоровье. Иногда на море разыгрывался шторм, вот когда мы любили купаться у берега. Набегающая волна своей огромной массой поднимала вверх, обдавала освежающей прохладой и уходила дальше к берегу.

Днём шли шестичасовые занятия исключительно по авиационным дисциплинам – пищали азбуку Морзе, принимали её на слух, изучали теорию воздушной стрельбы, матчасть самолёта, штурманское дело. Ветрочётном и логарифмической линейкой все пользовались в совершенстве. Вечером опять купались в море и на чистом воздухе спали крепким, здоровым сном.

Помню, в этот вечер я был разводящим в карауле. Мирно спал лагерь, доверивший нам свой сон. Сменив посты и установив порядок бодрствующих смен в караульной палатке, я вышел к морю и сел на прибитую к берегу карчу. Ночь была тихая, теплая. Длинной ломаной полосой серебрилась по морю восходящая луна, уходя переливами далеко в море и упираясь в тонкий скалистый утёс. Тихо было вокруг, только чуть слышно шумели волны, и шуршала на берегу листва. Где-то далеко в соседней рыбацкой деревне слышался девичий напев под разлив гармонии. Взволнованное, щемящее чувство охватило меня. В груди что-то ныло, колокотало и бурлило, её распирало от внутренних сил. Сердце рвалось к какой-то необыкновенной, большой жизни. Душа рвалась на подвиги, вплоть до самопожертвования. Если бы мне сказали тогда:

– Дмитрий, прыгни в пропасть, этим ты сделаешь большое государственное дело, – я, наверное, без колебания бы прыгнул.

Я достал портрет Оли. С маленькой фотографии при слабом лунном свете на меня глядели большие глаза спокойным, приветливым взглядом. И при виде этих милых, добродушных глаз, этой чистой детской улыбки ещё сильнее заныло сердце. Прошлое навеяло тихую и нежную грусть.

Я глядел в открытое море, наслаждаясь безбрежной могучей стихией. Что-то было пленительно-сказочное, задушевно-чарующее в этом рисунке луны у скалистого утеса, плеске воды и таинственной силе моря. Ночь была тихая и ласковая, как будто бы природа хотела чем-нибудь отметить её – последнюю ночь мирного времени. Часы отсчитывали последние минуты двадцать первого июня 1941 года. Начиналась война.

Глава 7

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашисткой силой тёмною,
С проклятою ордой.*
«Священная война», (стихи В. И. Лебедева-Кумача, музыка А. В. Александрова)

В это утро, как и всегда, лагерь поднял отрывистый звук горна. Так же, как и всегда, весело и беззаботно, жизнерадостные и здоровые, с полотенцами в руках, бежали все к морю. Но вдруг послышались, частые тревожные звуки боевой тревоги.

– Тревога! – кричали кругом.

– Тревога! – кричали командиры, застегиваясь на ходу.

– Тревога! – объявил я в караульной палатке и неожиданно почувствовал, как все мои мускулы налились какой-то внутренней, нарастающей силой.

Через несколько минут школа уже стояла перед репродуктором винсовхоза «Джете». Раздался знакомый голос диктора Левитана. С какой-то напряженной торжественностью он читал выступление В. М. Молотова. Дрогнуло сердце. Неужели война?!

Но никто ещё не понимал значения этого слова. Я, например, полагал, что война через месяц закончится нашей победой. Жизнь в лагере стала напряжённой, натянутой.

Вскоре лагерный период был закончен, и нам дали месячный отпуск. Я приехал в Усть – Лабинск. На душе было невесело: война уже успела везде наложить свой отпечаток. Плохо провёл я свой отпуск и был срочно вызван в Краснодар.

Глава 8

*Разлука ждёт нас у порога,
Зовет нас дальний света шум.
И каждый смотрит на дорогу
С волнением гордых, юных дум.*

Жизнь в городе бежала своим установленным порядком, здесь было больше людей, и война чувствовалась не так остро. Продолжались занятия в нашей школе. Мы теперь были старшие в школе – выпускники.

Был набран новый набор из восьмых классов. Я был назначен туда помощником командира взвода. Командиром этого взвода была назначена «Трапедия», которая совсем почти не навещала взвод и, кажется, боялась своих воспитанников. Она была скорее хорошей мамашей, чем командиром. Мне приходилось там работать одному. Я старался изучить каждого и к каждому иметь свой подход. Вскоре эта работа с людьми мне очень понравилась. Я редко прибегал к чтению всевозможных моралей и «регулировкам». Больше упирал на общественное мнение и старался руководиться им. И всем своим коллективом курсанты набрасывались на тех, кто шёл не по пути.

Помню, во взводе был один, видимо, бывший карманник – человек с неизвестным прошлым. По протекции своего влиятельного дяди он попал в спецшколу. Уличить его в воровстве было невозможно, но вещи пропадали, и все подозрения падали на него. Я предложил ребятам устроить «темную», хотя этот способ воспитания не разрешается в армии, но широко практикуется нелегально. Ночью его накрыли одеялом и душили до тех пор, пока он во всём не сознался и обещал больше не воровать. Жаловаться он не пошёл: неизвестно было, на кого жаловаться – душили все. После этого ни одна вещь нигде не пропала.

Правда, были такие курсанты, которых я никак не мог понять. Мало что на них действовало. Тогда приходилось уделять им больше внимания и за каждую мелочь давать поощрение или накладывать взыскание. Таким образом, ведя политику «кнута и пряника», я выводил взвод в число лучших.

В связи с войной требования в школе повысились, и ввели новый предмет... танцы. Офицер должен хорошо танцевать – и нас учили танцам. Учили мы «вальс», «фоксмарш», «польку» и другие, но я, помню, в этом отношении был тупым учеником.

Танцы вырабатывают у человека эластичность и красоту движений, такт и спокойствие в обращении, уверенность в себе и своих физических силах. Кроме того, танцуя, человек переносится воображением в какой-то другой мир – возвышенный, поэтический. Его фантазия, возбуждённая музыкой, рисует ему приятные, чарующие картины «большой жизни», развивая чувство гордости, и душа его очищается и облагораживается от этого.

Ввели новый предмет... этикет. Нас учили, как правильно держать вилку, нож, ложку, как правильно пользоваться салфеткой и вообще – как держать себя в культурном обществе за столом и пр.

После отбоя обычно ходил дежурный врач и осторожно будил тех, кто спал «вслух», то есть храпел или посвистывал носом. Будили и тех, кто спал на левом боку или на животе: рекомендовалось спать только на спине и правом боку.

Это было с одной стороны. С другой стороны, можно было встретить много случаев антисанитарии. Так, например, нам выдали каждому ложку, которую после еды, разумеется, никто не мыл: усердно облизавши, каждый прятал её в грязный карман.

Раз, помню, как-то выдали нам эти ложки – большие, деревянные, грубо обработанные какой-то местной артелью. Я получил свою ложку и ложку для друга, заткнул их за хлястик

брюк под китель. Когда я важно шёл, задравши нос, по «Красной», ложки выскочили из-под хлястика и, с треском, подсакивая на асфальте, рассыпались по тротуару, а сзади послышался чей-то звонкий девичий смех. Я не стал собирать ложки и повернул за угол.

По вечерам встречался с Олей. За лето она переменялась. В разговоре начинала повторяться, и тоже стала какой-то навязчивой и ревнивой, чего я до смерти терпеть не мог и стал скучать с нею. Она заметила это и, подумав, что у меня появилась другая девушка, решила проследить за мной. Сказала, что уедет на несколько дней из города.

В душе я был рад этому. Вечера я проводил иногда со своей кузиной Галей. Оля тайком следила за мной и, разумеется, видела меня с ней. В отместку, решив преподнести мне сюрприз, она подошла ко мне в парке под ручку с каким-то парнем.

Я с любопытством смотрел на обоих. В глазах Оли блеснула нотка упрёка.

– Познакомьтесь. Мой теперешний друг. Рядом с нею стоял какой-то деревенский парень, ниже её ростом, а мне он едва равнялся по плечо. На деревянном его лице светилось что-то, похожее на улыбку.

Я молчал, ожидая, что будет дальше.

– Это замечательный товарищ, мы с ним работаем и учимся вместе, – сказала она с видом «дескать, и я умею. Вот смотри».

Я, наконец, понял, к чему вся эта сцена и не мог не улыбнуться Оле. Но ей всего этого показалось мало, и она продолжала:

– Вчера мы с ним были в кино «Граница на замке» и, знаешь, всё время хохотали, – она попыталась прижаться к своему «возлюбленному», который всё время молчал, видимо, ничего не понимая, и сиял, как двенадцатый номер галош.

Мне вдруг захотелось чем-нибудь нагрубить ей и окончательно отвязаться.

– Что ж, будьте счастливы. «Рожайте детей большого калибра», – как-то удачно мне подвернулись слова старика из этой же кинокартины. Но потом я осуждал себя за эти слова.

Глава 9

*На фронт! На фронт! В груди волненья,
И сердце бьется всё сильнее
В душе тревожны пробужденья
И грусти нежной полно в ней!*

Государственные испытания были прерваны. Был строгий приказ Москвы прекратить экзамены и срочно выехать из Краснодара. Куда именно начальство умалчивало: нельзя было распространять такую информацию, но все догадывались, что едем на фронт.

Началась спешка, готовились в дорогу. Немцы к этому времени захватили всю Украину и подходили к Ростову. Было ясно, что едем на фронт. Закончены последние сборы. Рота выстроилась. Молодые, ещё безусые, ещё с детской пухлостью и румянцем на лице, но рослые, здоровые и стройные стояли мы в рядах, готовые на защиту Родины. За плечами у каждого висел толстый рюкзак, лица были взволнованные и напряжённые. Бог знает, что ожидало каждого впереди, ведь шли на фронт, в горящее пламя войны и, быть может, дороги назад для многих уже не будет. Тихо ныло сердце перед неизвестностью. Чтобы излить это давящее чувство, кто-то ещё не окрепшим юношеским басом взволнованно запел:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой!

Ворота школы открылись. Открылись, чтобы выпустить нас в последний раз. Я взглянул на высокое здание и только теперь почувствовал, насколько дорога для нас была эта школа жизни.

– Прощай! – много прекрасного и ценного мы получили в твоих стенах. Много пришлось потрудиться над книгами и конспектами, много было тревожных и волнующих минут личного общения. Это был своего рода «Царскосельский лицей». В жизнерадостном и в тоже время серьёзном коллективе становились мы здесь на ноги.

– Прощай, Школа! Прощай, Краснодар!

Грянул оркестр, и мы тронулись. Торжественный марш зацепил за что-то живое там, в груди. Что-то клочкотало и бурлило в ней, к горлу подбирался комок, с трудом сдерживались слезы. Но тот же неокрепший бас возвращал нас к суровой действительности:

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Взвод за взводом, стройными рядами шли на фронт, красиво отбивая шаг, молодые ребята, в лётной форме, загорелые, рослые и здоровые. Какая-то могучая сила чувствовалась в спокойном, ритмичном покачивании широких юношеских плеч, что-то было захватывающе красивое и волнующее в этом решительном ритме сотен ног.

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб.

Отребью человечества
Сколотим прочный гроб.

Ревели матери, провожая своих сынов, девушки платочками вытирали слезы. Сознание того, что мы шли защищать счастье этих людей, любимый город, свою Родину, вызывало чувство гордости и одновременно какой-то щемящей тоски.

Оркестр школы остановился, провожая «Маршем пилотов» своих воспитанников в последний, далекий путь. Колона удалялась.

Всё слабее и слабее доносился шум движения. Оседала густая пыль, и тихо, но внятно доносились отзвуки песни:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Глава 10

*А куда же напишу я!
Как я твой узнаю путь?
– Ничего, – сказал он тихо,
– Напиши куда-нибудь.*

*«Прощальная комсомольская» (стихи М. Исаковского, музыка Дм.
и Дан Покрасс)*

– Рота...а...а...! Стой! Через десять минут посадка! Разойдись! Все бросились обнимать своих родных и близких, прощаться.

Я сел на камень и с какой-то болью ощутил, что со мной никого не было в эту минуту. Хотелось с кем-нибудь поделиться чувствами, поговорить по душам.

– Митя, – вдруг окликнул меня знакомый голос. Я оглянулся и увидел Олю, она стояла с букетом цветов, низко опустив голову и смущенно глядя себе под ноги.

– Ах, Оля! Здравствуй! Я очень рад видеть тебя в эту минуту.

– Прости меня. Хотя мы и поссорились..., но я вот... не могла не прийти. Я всё время обвиняла себя, и вот... пришла тебя проводить, – она, не поднимая глаз, нервно ковыряла носком тапка кусок земли.

Я посмотрел на её красивые знакомые черты, и мне вдруг стало обидно за то, что я так грубо обошёлся с ней в тот вечер. В минуту расставания я готов был простить всем на свете, всё, что угодно, хотелось сказать кому-нибудь тёплое, ласковое слово.

– Оля, забудем тот вечер. Я не сержусь. Будем по-прежнему друзьями. Ты видишь, я один... Никто не пришёл проводить меня, – в эту минуту мне так много хотелось сказать ей, что я не мог найти нужных слов.

Оля, наконец, подняла глаза: в них уже не было того детского озорства и свободы, она смотрела на меня грустным, очарованным взглядом, глазами, полными слёз.

– Становитесь! – где-то глухо разнеслась команда. Заревели старухи, бросаясь в истерику, зашумела провожающая толпа.

Мы с Олей обнялись и крепко поцеловались.

– Смотри же, письма...

– Обязательно!

В эту минуту никто из нас не сообразил – куда же писать: фронт двигался всё ещё на Восток, угрожая городу, мой путь был тоже неизвестен.

– Равняйся! – разнеслось по взводам.

– Смирно! Шагом марш!

Мы вышли на перрон вокзала и стали грузиться в отведённые нам вагоны пассажирского поезда.

К вагону пришла и Оля:

– Ой, цветы-то возьми, я совсем и забыла, – и она протянула мне пышный букет цветов.

Вдруг среди суетившейся толпы я увидел Галю. Раздумянившиеся и запыхавшиеся, они с подружкой по институту пробирались к вагону, держа высоко над головой букет цветов.

– Ой! Мы думали, что не успеем, всю дорогу бежали. Мы только сейчас узнали, что вы уезжаете. – Галя заметила у меня цветы и с недоумением посмотрела на Олю. Та ответила ей таким же взглядом.

– Знакомьтесь, – поспешил я, – это моя кузина.

Они пожали друг другу руки.

– Мы с вами где-то виделись, – сказала Оля, – кажется в Край-больнице, когда сдавали на курсы медсестёр.

– Ах, да, да! Вы значит, тоже решили ехать на фронт? – спросила Галя.

– Значит, вместе! Жди нас там, Дмитрий!

Поезд дал прощальный свисток. Галя подала мне цветы, и её глаза налились слезами.

– Прощай, – едва выговорила она.

– Ну, зачем же «Прощай», только лишь «до свидания», – пытался я подбодрить её. Галя расплакалась.

– Ну вот, зачем же плакать? Вот немцев разобьем, и ты меня ещё на свою свадьбу позовешь. Ох, и свадьбу же сыграем! Счастливое будет время.

– А вы позовете? – сквозь плач улыбнулась она, поглядев на Олю.

Я тоже взглянул на Олю, и мы почти одновременно ответили:

– Позовем.

Поезд тронулся. Я поцеловал Галю в лоб, крепко пожал руку её подруге, ещё раз расцеловался с Олей и вскочил на подножку.

Кричали, плакали старухи. Я посмотрел в окно: среди провожающих я узнал Олю и Галю с подругой, они махали платочками, часто поднося их к лицу. И так близко, так дороги показались они мне в ту минуту, что я отошёл от окна, чтобы не прослезиться.

Спустя год, в Москве, мне случайно удалось посмотреть эту же картину, только уже с экрана – в киножурнале. Всё было так же, и себя узнал в окне, и чуть было не крикнул от неожиданности. А динамик, между прочим, с экрана говорил: «Наши молодые лётчики, закончившие лётную школу, отправляются на фронт!»

Но бесстыдник, он по привычке нахально соврал: мы ещё не были закончившими лётчиками, и ехали, как впоследствии выяснилось, ещё не на фронт.

Проехали Усть-Лабу. Здесь, недалеко от полотна железной дороги, утопая в зелени акаций, стоял наш домик. Бог знает, увижу ли я когда-нибудь его еще? Вернусь ли обратно?

Доехали до Кавказской. Здесь нам сообщили маршрут – ехали мы в г. Астрахань в ШМАС (Школа младших авиационных специалистов). Согласно указаниям Москвы, лётчик должен иметь техническое образование, и нас везли в техническую школу. Это разочаровало многих. «Лучше на фронт!» – кричали ребята. В Махачкале погрузились на пароход «Красноармеец» и по Каспию взяли курс на Астрахань. У устья Волги сели на мель, – «дурная примета» – говорили ребята.

Глава 11

*Любви, надежды, гордой славы
Недолго тешил нас обман.
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман.*
А. С. Пушкин, «К Чаадаеву»

Астрахань нас встретила запахом тухлой рыбы. Где бы я ни находился, куда бы ни шёл – везде нос резал этот отвратительный запах.

Школа, куда мы приехали, не была подготовлена к занятиям, а съезжались сюда почти со всех спецшкол Советского союза. Тут они и начались, будни...

Прекрасную нашу форму сняли. Одели в обмундирование третьей категории – всё выцветшее и в заплатках. Ботинки были гнилые, галифе настолько сбежалось от долгого употребления, что плотно обтягивало ноги и едва хватало до колен.

– К этой форме не хватает большой палки и нищенской сумы, – острили озлобленные, оконфуженные ребята. Но иначе быть не могло: всё лучшее шло на фронт, в тылу оставалось всё старое.

Ботинки мои на третий день развалились, у одного совсем оторвалась подошва, стелька вывалилась, и я ступал в ботинке босой ногой на землю. О, сколько было горя и смеху, когда я этой босой ногой наступил на горящий окурочок...

Занятия всё не начинались, и нас использовали в качестве грузчиков на Волге. Там мы перевозили рыбу на катерах, катали бочки с селедкой, и после работы с отчаяньем ныряли с высоких барж в Волгу. Все были авиаторами – любителями острых ощущений.

Разочарованные и осунувшиеся, шли ребята на пристань. На работе с чувством пели «Дубинушку», как настоящие волжские бурлаки. Люди метили в лётчики – попали в грузчики. То были всё высокопарные мечты, теперь начиналась действительность.

Для поднятия духа по вечерам нам устраивали концерты, но усталые и голодные, мы больше предпочитали отдых. Несколько комических «номеров» в этих неотработанных концертах всё же запомнились. Раз, помню, показывали пирамиду человек из шести. Артисты были неразворотливы и мешковаты, при исполнении номеров дулись и краснели, стараясь изобразить непринужденность. Пирамида никак не строилась, помогал конферансье. В самом низу, в основании пирамиды стоял грузин, на котором, собственно говоря, и держалась вся пирамида, руки его были схвачены теми, кто был наверху. И вот, когда уже последний акробат лез на вершину, чтобы выжать стойку на руках, случилось несчастье: он оперся о пояс грузина и... оборвал шнурок его трусов. Загудел весь клуб, завизжали девушки. Догадливый конферансье так дёрнул занавес, что его заело. Тогда окончательно растерявшись, он подбежал к грузину и попытался помочь ему, что вызвало ещё больше хохота. Пирамида, наконец, развалилась, и все разбежались со сцены.

Другого конферансье вскоре тоже осмеяли. Он вышел на сцену и пытался что-то сострить, но так неудачно, что никто не засмеялся. В зале было тихо. Тогда, какой-то остряк (их у нас было много) с задних рядов громко и спокойно сказал: «Гы – гы – гы – гы!» – И весь зал загремел от хохота.

Я тоже был артистом и выступал на арене Астраханского цирка. Заключительным номером программы цирка была одна военизированная инсценировка, где требовалось показать немецких военнопленных. Вот туда нас и пригласили. Много переодеваться не приходилось: давали немецкий китель и фуражку, остальное обмундирование соответствовало. Нужно было быть хмурыми и озабоченными, а мы сияли, сидя на арене цирка, довольные тем, что на нас

смотрит такая масса народа. Так, по совместительству выполняя работу волжского грузчика и циркового артиста, я около четырех месяцев числился курсантом ШМАС.

Изо дня в день всё менялось. Часть ребят ушли на трудовой фронт – рыть окопы. Туда ушли мои товарищи по средней школе Богданов и Мантуленко.

Однажды мы поздно пришли с Волги. Дневальный сообщил, что меня вызывал начальник школы. Я пришёл к нему в кабинет и по-военному представился. Инженер – подполковник сидел за столом и просматривал какие-то личные дела, потом он оторвал глаза от бумаг и долго глядел на меня пристальным взглядом.

– Садитесь, – против обыкновения, попросил он.

Я присел. Он опять в упор посмотрел мне в глаза, как бы желая смутить, но я его взгляд выдержал.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать. – Он поднялся из-за стола и прошёлся из угла в угол.

– Восемнадцать лет, значит, позади, а вот какую цель вы поставили для своей жизни?

Я не понимал к чему этот разговор.

– Сейчас моя цель – быть лётчиком...

– Хорошая цель, благородная, но, а к этому вы чувствуете своё призвание, склонности?

– Я ещё не успел ничего хорошо прочувствовать, я имею пока одно желание, страстное желание летать.

– Но вы знаете, какие у вас склонности, к чему способности?

– Товарищ подполковник, о таких качествах самому судить очень трудно, так как обычно такие качества человек или недооценивает в себе, или, чаще, переоценивает. Об этом, по моему мнению, могут сказать только другие, и, притом, опытные люди.

Подполковник улыбнулся и с видимым расположением посмотрел на меня, потом опять порылся в личном деле и встал из-за стола.

– Хотите, я вас пошлю учиться в военно-воздушную академию? – Такого сюрприза я не ожидал. Получить высшее образование, учиться в Москве, получить диплом инженера – это было очень лестно.

– Академия, вы знаете, это высшая военная школа, она выпускает инженеров воздушного флота, срок обучения 6 лет. Экзамены будут конкурсные. Идите, подумайте, завтра попрошу к себе.

Глава 12

*Гармонь играла с перебором,
Толпился в пристанях народ,
А по реке, в огнях, как город,
Бежал красавец теплоход.*

А. Т. Твардовский, «Кружились белые берёзки»

В академию нас ехало тринадцать человек – отличников спецшколы. В Астрахани мы погрузились на речной теплоход «Москва» и отправились по Волге. Академия находилась в г. Свердловске, она была эвакуирована из Москвы.

Теплоход медленно поднимался вверх по Волге. Нам отвели места третьего класса – корму, бак-палубу. Мы разместились на второй палубе, но время проводили больше на корме. Там вдвоем с другом мы любили пить чай в шлюпке. После селёдки чай был особенно вкусный, и на корме было замечательно: приятной вечерней прохладой обдавало лицо, внизу стучали гребные винты, а там, за кормой, бурлила и пенилась вода, и веером расходились к берегам волны. Долго, до поздней ночи, мы просиживали на корме, мечтая об академии, о своём будущем, любуясь ночными огнями и красотой Волги.

В Астрахани нам выдали форму спецшколы ВВС, а ботинок не дали, и мы босые, в полувоенной форме бродили по кораблю, привлекая внимание окружающих своим нарядом.

– Вот, примечайте: человек одет по последнему крику моды, – помню, сострил какой-то весельчак, указывая на меня пальцем.

На пристанях мы таскали у нерасторопных баб пирожки и арбузы, а совесть свою успокаивали таким философским заключением: «Когда бедный берет у богатого или голодный у сытого, то это не воровство, а простая делёжка».

Больше полумесяца мы плыли вверх по Волге, любуясь её красотой, затем по Каме; потом, сделав ещё одну пересадку, продолжили путь и, наконец, оказались в Свердловске, у цели. Это была Военно-воздушная ордена Ленина Академия Красной армии имени Николая Егоровича Жуковского. Выпускала она инженеров воздушного флота с воинским званием инженер-капитан. Срок обучения – шесть лет. В академии был подобран исключительно сильный профессорский состав. Здесь работали такие знаменитости как профессора Юрьев, Голубев, Бухгольц, трудами которых пользуются почти все ВТУЗы страны. Некоторые их труды популярны за границей. Отсюда вышли многие конструкторы современных самолётов – Ильюшин, Яковлев, Микоян и др.

Начальником академии был генерал-майор Соколов-Соколёнок – человек бывалый, заслуженный. Телосложением он был невелик, отсюда, говорят, образовалась вторая половина его фамилии. Заместителем по политчасти был генерал-майор Батов. В противоположность своему начальнику, это был пузатый человечек с заплывшими лицом и шеей. Вся эта масса держалась на чрезвычайно тонких ногах, и казалось, что эти ноги вот-вот сломаются, и всё тело рухнет. Но мужик он был толковый (недаром говорят: большой живот – признак добродушия), слушатель всегда мог говорить с ним свободно. За сердечную доброту и неподдельное участие к жизни слушателей в академии все звали его – батя. И видно было, что он гордится этим.

Совсем другой вид представляли слушатели. Это были худые, бледные, как тени, преимущественно в очках, люди. Их набрали в академию из третьих и четвертых курсов высших технических учебных заведений. Они были студентами, имевшими за плечами по пятнадцать лет непрерывной учебы. По сравнению с нами, загорелыми и обветренными на Волге, они казались совсем какими-то чахлыми и болезненными. С питанием здесь дело обстояло плохо.

– Вот таким будешь и ты через 6 лет, – острил мой друг, глазами указывая на самого длинного и бледного слушателя в очках.

Многие разочаровались. Я же решил учиться и принялся за подготовку.

Начались конкурсные экзамены. К конкурсу допускались только отличники спецшкол и студенты вузов. Конкурс был таков: из трех кандидатов – один был лишней. Экзаменующие профессора были очень принципиальны и крайне раздражительны, но счастливая звезда висела тогда надо мной – мне всё удавалось, и экзамены я сдал с успехом.

Затем была мандатная комиссия. Я вошёл в кабинет замполита.

– Гвардеец! – заревел генерал Батов, взглядом измеряя меня с ног до головы.

– Так точно! Будущий! – Он порылся в бумагах.

– На какой факультет пойдешь?

– Хотелось бы на факультет электроспецоборудования самолётов.

– Хорошо, будете там, – и дал знак удалиться.

Так я стал слушателем академии. Занятия задерживались. Нас использовали, как самых младших, для всяких подсобных работ.

Начальником курса к нам назначили приехавшего с фронта, но не сдавшего приёмных экзаменов, некоего лейтенанта Печёнкина.

В нашем воображении академия была чем-то недостижимым, возвышенным и культурным, но академические порядки, вернее беспорядки, вызванные, видимо, эвакуацией, разочаровали нас.

Хотя чтение лекций уже началось, нас часто отрывали на всякие работы: грузить дрова, поднимать моторы на третий этаж, и наша «слушательская будничная» песня звучала так: «Раз – два – взяли! Ещё – взяли!»

Посещение лекций считалось обязательным, но многие шли туда нехотя. В аудиториях было холодно, сидели в шинелях.

Первый курс факультета электрооборудования самолётов. ВВИА в эвакуации в г. Свердловск. 1943 г.

Короче, той организации, которая называется порядком, в Свердловске в академии не было. А что было в столовой, мне сейчас самому стыдно вспомнить. Пища делилась обычно

так: хлеб резался на десять частей, причем при этом принимал участие весь стол, все десять человек. Таким же порядком разливались щи, вернее вареная капуста. Кроме капусты в разных видах, редко что изменяло наше меню. Затем всё это раскладывалось по кругу. Один отворачивался, а другой кричал: «Кому?» – и указывал на какую-нибудь порцию. Дальше раздавалось всё по порядку, по кругу. Позорно было то, что так пищу делили и офицеры – слушатели третьих и четвертых курсов. Наш пищеблок питался из местных ресурсов, но что могло быть тогда на Урале?! А из того, что давал нарком, добрая половина уходила на сторону. Помню один казусный случай. Однажды на какой-то «великий» праздник в нашу столовую на мясо привезли лошадь.

– Братцы, мясо! – воскликнул разливающий, мешая половником в кастрюле. Все десять вскочили посмотреть в кастрюлю, чуть не стукнувшись при этом лбами. Мяса был один кусок, круглый, похожий на колбасу. Как обычно, разделили его на десять частей и, как обычно, разгадали. И вот когда уже последний дожевывал свою порцию и усердно облился, кто-то смущенно сказал: «Братцы, заметил ли кто-нибудь, что в середине этого куска была дырочка?» Все сконфуженно засмеялись, догадываясь только теперь, что привезенная лошадь не была кобылой...

В этом долгом систематическом недоедании люди духовно опускались, становились крайне мелочными, грубыми и замкнутыми.

На голодный желудок трудно заниматься умственным трудом, неудовлетворённые материальные потребности не способствуют возникновению духовных.

Бытие определяет сознание – так трактует философия. Александр Суворов эту же мысль, между прочим, выразил совсем просто: «Путь к сердцу русского солдата лежит через желудок». Справедливость этих слов я хорошо прочувствовал на себе.

Однажды я заступился за товарища, невинно пострадавшего за то, что отказался отнести продукты не по назначению. Меня вызвал к себе в кабинет начальник курса.

– Мальчишка, – с усмешкой сказал он, – ты всё ещё ищешь правды, её нет. Есть хорошая украинская пословица: «Каждому рот дэрэ ложка суха. И хто я на свити, щоб жив без гриха!» Я знал, что это говорит недалекий человек, но он говорил правду.

Глава 13

*...И труп его от праведных изгнаний
Никто к кладбищу не отнёс;
И кровь с его глубокой раны
Лизал, ворча, домашний пес.*

М. Ю. Лермонтов, «Мцыри»

Мои друзья по средней школе, В. Мантуленко, В. Богданов остались в Астрахани на трудовом фронте. Невесёлая участь постигла их там. Во время бомбардировки Астрахани Владимиру Мантуленко оторвало ногу выше колена. Он лежал в госпитале где-то глубоко в тылу, там женился. Затем, там же в госпитале познакомился с выздоравливающим лётчиком и уехал с ним в его часть. В части он летал на «Горбатых» (ИЛ-2) в качестве стрелка – радиста, штурмовал немцев под Сталинградом, был там сбит, но остался жив. Летал с протезом. Сейчас, уже в 1946 году я узнал, что он закончил школу юристов и работает народным судьей.

Владимир Богданов где-то в степи под Астраханью рыл окопы. Работали почти круглые сутки, спали тут же в окопах, в грязи, сырости. Жили впроголодь. От авиации оставались одни лишь воспоминания. И он разочаровался. Его пылкая, впечатлительная натура не могла выдержать всех этих трудностей, предложенных жизнью и усиленных войной.

Он стоял в карауле, где обычно всегда от вынужденного безделья приходят кошмарные мысли. Теплый степной ветерок, запах травы, чистое голубое небо, тихое обаяние ночи навевали в его душу тоску, отчаянье, и он застрелился. Он выстрелил себе в сердце и сразу умер. Хоронили его без почестей, так как он, застрелившись, оголил пост и оставил на произвол судьбы свою винтовку. Два грубых пожилых солдата из хозяйственной части отвезли его окровавленное тело от бензохранилища, которое он охранял в эту ночь и похоронили без гроба где-то далеко в Калмыцкой степи, ничем не отметив его могилы...

Я невольно припомнил тот памятный вечер, когда мы, все втроем, Богданов, Мантуленко и я, полные счастья, жизни, счастливых надежд, расставались со средней школой. Богданов взял гитару и тихо спел романс «Девушки». Мягки и задушевные были звуки его голоса. Девушки тепло провожали нас в далекий, самостоятельный путь, а мы мечтали о будущем, но никто не угадал его.

...Широка и безлюдна Калмыцкая степь. Никто не придет, никто не проведает могилы разочаровавшегося юноши, никто не положит на неё цветов... Там лишь голодные волки бегают по ночам, да холодный ветер колышет высокий, сухой ковыль...

Глава 14

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нём отозвалось.*
А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Было позднее лето 1943 года. Немцы были отогнаны от Курска и Орла и, терпя поражение за поражением, откатывались на запад. Москва уже давала первые салюты фронту. Академия собиралась переезжать в Москву, в свой корпус в Петровском парке. Нас сняли с лекций и предложили те же работы, только в обратном порядке. Моторы теперь уже с третьего этажа спускались вниз, и везде слышалась наша «слушательская будничная» песня: «Раз – два – взяли! Ещё – взяли!» – Но теперь эта песня звучала веселее: ехали в Москву, в столицу, а там много нового и интересного.

В пятнадцати эшелонах товарных поездов мы прибыли в столицу. Здесь нас ожидала совсем другая жизнь, совершенно противоположная «свердловской блокаде». Начали с внешнего вида. Нашу старую засаленную форму приказали снять. Одели в новую шерстяную офицерскую форму, выдали материал для хромовых сапог. Далее, как слушателей академии, нас перевели на положение офицеров. Погоны с буквами «В. А.» (московские девушки переводили: Влюбленный Антропос) заменили серебряными, с одним просветом, но без звездочек – общепринятыми погонами слушателей академии. Это избавляло нас от надоедливых приветствий всех младших командиров. Назначили стипендию 300 руб. на первом и 475 руб. на втором курсе.

Когда было закончено с внешним видом, нам разрешили посмотреть Москву. Прежде всего, мы решили посмотреть метро. Спустились на станции «Динамо». Нас поразила чистота и исключительное изящество работы. Всё сияло вокруг. Я не видел себя, но друг мой сиял, как и все новички в метро. Всегда, между прочим, видно человека, впервые попавшего сюда: он обычно умиленно улыбается, а лицо его светится восторгом.

Дмитрий Сидоренко, слушатель ВВИА им. Н. Е. Жуковского

Подземные дворцы открывались под землёй. Посмотрели станции «Динамо», «Сокол», «Площадь Маяковского», «Белорусскую» и на «площади Свердлова» поднялись в центре Москвы. Посетили Исторический музей, музей Ленина, Красную площадь. Красная площадь мне всегда представлялась на картинах и фото почему-то шире и длинней.

С полмесяца я изучал Москву, посетил много музеев, театров, был в планетарии, был в Большом театре... Но чтобы изучить Москву нужно, по крайней мере, не один год. Потом, военному человеку рассматривать Москву крайне неудобно: много внимания приходится уделять приветствиям, в отношении которых в Москве тогда было очень строго. Часто, увлекшись изучением Москвы, ребята попадали в комендатуру.

Москва возрождалась, поднимая дух москвичей. Уже гремели победные залпы. Помню, это был салют за Киев. Навсегда останется он в памяти. Мы с другом прибыли на Красную площадь, чтобы ближе видеть происходящее.

В 22:00 – грянул первый залп, и Москва осветилась. Со всех сторон в воздух полетели красные, зеленые, синие и белые ракеты. Они рассыпались, пересекаясь высоко над Спасской башней, над кремлевскими курантами. Москва ликовала. На крышах домов стояли люди и шумно кричали, выражая свою радость.

Я испытывал подъем духа и бурлящее чувство гордости за свою родную страну, за наш непобедимый русский народ. Все суетились, все хотели куда-то бежать, никому не стоялось на месте. Мы тоже побежали, сами не зная, зачем и куда. Какое-то возвышенное чувство подхватило нас, и мы не могли уже остановиться.

Вдруг, прямо с разбега, на шее друга, который бежал впереди меня, повисла какая-то молоденькая девушка. Она обвила его своими руками и крепко поцеловала в лоб. И в ту же секунду скрылась в толпе.

Так она выразила свою радость, поцеловав, видимо, первого встречного офицера. А друг стоял, ошеломленный неожиданностью, и счастливая улыбка играла на его лице. Он пытался запомнить её лицо, горящие глаза, полные радостных слез, сохранить тепло её нежных рук.

– Где она есть?.. Такая хорошая, поцеловала бы ещё раз... – как-то мечтательно, улыбаясь, медленно прошептал он, и вдруг резко отскочил в сторону, больно задетый в суете каким-то велосипедом.

Глава 15

*Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С годами вытерпеть сумел.*
А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Мы спустились в метро.

– М-да!.. Хорошая была дивчина... – нескромно вздохнул мой друг и мило улыбнулся, всё ещё находясь под впечатлением случившегося.

– А тут не болит? – И я указал на бок, куда его ударило велосипедом. Он посмотрел на меня, и мы оба рассмеялись.

Это был Василий Петренко – замечательный человек, способный, одаренный парень. Рослый и крепкий, с выразительным румяным лицом, большим округлым лбом и веселыми карими глазами, он был привлекателен. На лбу его, образуя несколько продолговатых морщинок, придававших его лицу всегда сосредоточенное выражение, выделялся большой шрам – следы удара лошади в раннем детстве. Об этом он рассказывал так: «С добрым намерением я зашёл нашей кобыле сзади и хотел оторвать на задней ноге прилипший репьях, но она, неблагодарная, так двинула меня ногой, что я оказался в куче навоза с разбитой головой».

Он говорил спокойно, с каким-то едва заметным приятным акцентом, мягким ласкающим баритоном, чуть-чуть картавя, что придавало его речи особенную прелесть и даже какое-то гипнотизирующее действие.

Он всегда был исключительно спокоен, в любом обществе держался весело и свободно, умел что-нибудь тонко подметить в людях и пустить крепкую, ядовитую шутку. Он был из тех людей, которых можно было слушать, не скучая, целые сутки, приятно отдаваясь обворожительным звукам их голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.